

ред наши представления как о речепроизводстве, так и о восприятии речи. Было получено много результатов, хорошо совместимых с основными рабочими гипотезами, и немало результатов, столь же хорошо объясняемых с других теоретических позиций. Одна из фундаментальных предпосылок этого подхода, однако, не подтвердилась: оказалось, что моторные команды не являются стандартными. Иными словами, одни и те же фонемы могут быть реализованы в моторном аспекте довольно разными способами, т. е. слагаться из разных «артикуляторных жестов». В таком случае непродуктивно искать в артикуляторном жесте эмпирический аналог дифференциального признака.

Одновременно широким фронтом велись и другие экспериментальные исследования восприятия речи — в частности, изучались акустические корреляты того, что «должно быть воспринято». К этому времени ученые располагали объективным способом регистрации акустических параметров речевого сигнала — динамической спектрографией, реализуемой устройствами, известными под названием «видимая речь».

Первые работы по расшифровке «видимой речи» принесли, казалось бы, крупный успех: была предложена универсальная система из 12 бинарных признаков, позволяющих описать участки спектра, соответствующие определенным фонемам. Тем не менее исследования методом «видимая речь» довольно быстро исчерпали свои возможности. Главная причина, видимо, состояла в следующем. Выяснилось, что 1) объективно регистрируемые акустические параметры речевого сигнала (отраженные в 12 бинарных признаках Якобсона — Халле)¹³; 2) фонологические признаки, выявленные Трубецким; и 3) субъективно полезные признаки речевого сигнала, реально используемые носителями языка (насколько об этом можно судить по экспериментальным данным, полученным методами имитации и другими), находятся между собой в весьма сложных отношениях. Например (мы намеренно не терминологичны), кое-что из (2) можно «увидеть» как (1), но не всегда; (3) — варьирует в зависимости от условий эксперимента так сильно, что элементы (2) то склеиваются, то расщепляются и т. д.

И однако, если человек умеет выделять фонемы, т. е. осуществлять фонемный анализ, то в его сознании должно существовать некоторое «устройство», которое решает эту задачу и притом с исключительной надежностью. Пусть те психологически полезные признаки, на основе которых принимается фонемное решение внутри «черного ящика», не являются простой функцией акустических признаков и не сводимы к артикуляторным признакам. Это просто значит, что надо продолжать дальнейшие поиски.

Итак, концепции Трубецкого ассимилированы современной наукой, а его идеи продолжают стимулировать исследования даже в тех областях, которые в момент написания «Основ фонологии» вообще не существовали. Мы полагаем, что это объясняется комплексом причин. Прежде всего, как мы уже говорили, фонология Трубецкого была теснейшим образом связана с лингвистической и психологической эмпирией. Эта привязка теории, сформулированной как относительно формализованная, к фактам, существующим в психике говорящих индивидов (ибо именно говорящие осуществляют смысловоразличение с помощью дифференциальных признаков), позволила в дальнейшем на основе теории Трубецкого выдвигать гипотезы, в принципе доступные для экспериментальной проверки. Работы Л. А. Чистович как раз и замечательны конструированием таких экспериментальных ситуаций, которые позволяют перейти от принципиальной проверяемости некоторых следствий, вытекающих из теории, к их реальной экспериментальной проверке с помощью тех средств, которые сегодня доступны науке.

¹³ Jacobson R., Fant G. and Halle M. Preliminaries to speech analysis.—«MIT Acoust. Lab. Techn. Rep.», № 13, 1955.